

После более чем четверти часа тишины в дверях послышались шаги. Когда все подняли головы, то увидели знаменитого ученого Ли Бао, который с тростью шаг за шагом шел к парадному входу. Увидев, что чиновники внизу смотрят на него, он глубоко вздохнул и энергично сказал: "Сегодня этот старик расскажет вам, чиновники, о конфликте с фракциями Ниу Гао, который пришелся на время правления покойного императора!"

Придворные почувствовали легкое головокружение, а их сердца снова заколотились. От таких американских горок у них дрожали ноги.

Солнце на улице стояло высоко, но светило не слишком сильно. Однако людям, находившимся в зале, казалось, что наступила середина лета, настолько, что им было жарко дышать.

После того как Ли Бао закончил говорить и его проводили на улицу, никто не осмелился расслабиться.

Гу Юаньбай подождал некоторое время, а затем приятно спросил: "Что вы думаете, чиновники?".

Мы не смеем двигаться, мы не смеем думать.

Шесть министров и самые важные чиновники каждого департамента посмотрели друг на друга. Советники зала Чжэнши были все одинаковы, у них не было коррумпированных людей, формирующих фракции.

Через некоторое время кто-то, наконец, встал и сказал: "Фракционная драма только создаст проблемы для двора. Как только она будет обнаружена, она должна быть строго наказана!"

"Вы правы, министр юстиции", - сказал император. "Тогда насколько суровым должно быть наказание?"

Министр юстиции ответил: "Наказание должно быть разного уровня в зависимости от тяжести ситуации."

Гу Юаньбай кивнул, его голос смягчился. "Министр юстиции, вы говорите правильно, мы тоже так думаем".

Чиновники заметили, что тон Гу Юаньбая стал более спокойным, и немного ослабили напряжение.

Но министр юстиции не смел расслабиться. Интуиция подсказывала ему, что Его Величество еще не произнес самых важных слов и не сказал самого главного.

Император, не меняя тона, спросил: "Тогда, если местный высокопоставленный чиновник из фракции использует свою власть для устранения чиновников другой фракции, которые не виновны ни в каких преступлениях, и вводит людей из своей фракции на эти должности, что является преступлением?".

Внезапно давление на министра юстиции усилилось. Он говорил осторожно и задумчиво. "Преступлениями являются создание фракции для личной выгоды, нарушение закона и отсутствие честности".

Не сказав, правильно это или нет, император повернулся и позвал: "Министр государственных кадров, что вы думаете?"

Никто не понял, почему император вдруг позвал министра кадров, и повернулись, чтобы посмотреть на него. Министр тоже был озадачен, но ответил почтительно: "Я думаю, что министр юстиции прав".

Прошел год с тех пор, как Император взял бразды правления в свои руки, и у всех было время изучить его в деталях. Если Император был в хорошем настроении, он называл их чиновниками то так, то эдак. Но когда он был в плохом настроении или чиновник нарушал правила, он называл его должность полностью, как это было сейчас с министром кадров.

"Мы тоже считаем, что министр юстиции прав", - с улыбкой сказал Гу Юаньбай. "Раз уж произошла ситуация, о которой мы упомянули, и раз министр юстиции согласен с этой ситуацией, то нам просто нужно послать министерство юстиции, чтобы разобраться с ситуацией".

Министр юстиции не отвечал за рассмотрение такого рода дел. Его глаза широко раскрылись, и у него появилось плохое предчувствие. "Да, Ваше Высочество".

Гу Юаньбай наконец встал и вышел в сопровождении дворцового слуги. Через пару шагов он что-то вспомнил и обернулся, чтобы сказать: "Министр юстиции, в этом деле замешана фракция школы Шуанчэн".

Присутствующие в зале суда, принадлежавшие к школе Шуанчэн, внезапно испугались.

Император рассмеялся, а затем его голос внезапно стал холодным. "Мы надеемся, что вы не повторите ошибку и не станете преступать закон ради собственной выгоды".

"Высокопоставленные чиновники всегда должны действовать в интересах страны и граждан." Гу Юаньбай посмотрел на всех чиновников по очереди и добавил: "Мы надеемся, что все вы усвоили то, чему вас учили на трех лекциях, которые вы получили сегодня".

Придворные, которые сами были членами различных фракций, уже вспотели и сдержанно

поклонились. "Да."

Гу Юаньбай вышла из лекционного зала. Ноги придворных, все еще стоявших в зале, подкосились. Когда им стало страшно, они вдруг услышали, как кто-то сказал: "Господа, пожалуйста, идите, дела правительства не могут позволить себе задержаться еще на минуту".

Генерал Сюэ, находившийся среди придворных, почувствовал, что голос слишком знаком, и, подняв голову, увидел, что это не кто иной, как его собственный сын.

У Сюэ Юаня была учтивая улыбка и впечатляющая внешность.

Все члены двора испуганно проснулись и начали выходить группами по двое и по трое. Генерал Сюэ подошел к Сюэ Юаню сбоку и шепотом спросил его: "Что сегодня случилось с Его Величеством? Что за беспорядок устроила школа Шуанчэн?"

Сюэ Юань взглянул на генерала Сюэ и лениво спросил: "Генерал Сюэ, вы сомневаетесь в воле императора?"

Генерал Сюэ был так зол, что поспешил уйти.

Когда все ушли, Сюэ Юань поправил саблю на поясе и поспешил за императором.

Как только он вышел за ворота Национальной академии, императорская карета была уже далеко. Сюэ Юань опустил улыбку и огляделся. Шагнув вперед, он стащил генерала Сюэ с лошади, вскочил на нее, поднял поводья и помчался в сторону Гу Юаньбая.

Генерал Сюэ был так зол, что начал прыгать на месте. "Сынок, ты ведешь себя слишком непокорно!"

Через некоторое время Сюэ Юань догнал большую группу стражников. Он подъехал на своей лошади к карете и прочистил горло. "Ваше Величество, если у вас плохое настроение, вы можете выместить свой гнев на мне".

Сказав всего два слова, он не смог удержаться от смеха.

Несколько дней назад император назвал его зверем, но это неважно. В последнее время Сюэ Юань чувствовал, что стал слишком сумасшедшим, поэтому, возможно, если его снова отругают, он испугается.

Бледная рука открыла окно кареты. Стала видна половина лица Гу Юаньбая, его губы скривились от удовольствия, а линия челюсти была резкой, демонстрируя холодную, суровую красоту. "О чем ты говоришь, чиновник Сюэ? Разве Мы вымещаем свой гнев на окружающих?"

Более того, Гу Юаньбай больше не злился. Зачем расстраиваться из-за группы глупых людей? Если бы он раздражался...

Гу Юаньбай не мог не смотреть на шею Сюэ Юаня через окно вагона.

Он все еще помнил раздражение и досаду, которые вырвались из глубины его души, когда он в последний раз укусил Сюэ Юаня. На самом деле это было неплохо. С тех пор как он перешел в Великий Хэн, только Сюэ Юань мог выдержать гнев Гу Юаньбая. У бешеного пса была толстая кожа, и Гу Юаньбай мог иногда вести себя не так, как полагается императору, и быть самим собой.

Другие люди не могли этого вынести, капитан стражи не мог, Тянь Фушэн не мог, Чу Вэй не мог, как и те, кто был в Департаменте надзора.

Гу Юаньбай должен был стать горой в их сердцах. Гора не могла рухнуть, не могла раздражаться или вырываться, когда была расстроена, просто оставалась преданной служению стране и народу.

Но в конце концов, она чувствует себя немного одинокой.

Возможно, так и должно было быть, но, в конце концов, Гу Юаньбай все еще был энергичным молодым человеком из 21 века, который любил приключения и острые ощущения.

Сюэ Юань увидел, что Гу Юаньбай не сводит глаз с его шеи, и вдруг почувствовал, что место, где его укусили, чешется. Он протянул руку и потрогал его.

Шея зажила, Сюэ Юань взглянул на Гу Юаньбая, наклонился, сидя на лошади, и прижал одну руку к повозке, чтобы стабилизировать свое тело. Приблизив голову к окну, он тихим голосом уговаривал его. "Ваше Высочество, вы хотите снова укусить меня?".

Гу Юаньбай поднял глаза и посмотрел на него.

Сюэ Юань облизнул губы и вдруг улыбнулся. "Разве Вам не нравится смотреть матчи цзюцзюй? Если у вас сегодня плохое настроение, этот чиновник сыграет для вас матч против капитана Чжана и остальных. Я думаю, что награда не должна быть большой". Сюэ Юань смотрел на Гу Юаньбая темными глазами, скрывая полуправду. "Просто улыбайтесь и будьте счастливы, этого будет достаточно".

<http://bllate.org/book/15154/1338870>